

Э. Л. Нитобург

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ОБЩИН В АМЕРИКАНСКОМ ГОРОДЕ

По мнению американского социолога Бесси Пехотски, в первой половине XX в. в США существовало три типа городских общин, в которых жили славянские, в том числе русские иммигранты: “городская”, “космополитическая” и “преимущественно американская”. “Городская” состояла в основном из группы лиц русской национальности, притягивая к себе других русских – друзей и родственников. Американские соседи оттуда уходили, и в результате, как констатировала исследовательница, “мы имеем маленькую Россию”. “Космополитическая” община состояла из людей разного этнического происхождения, и состав ее варьировал. “Преимущественно американская” община встречалась главным образом в небольших городах, где рядом с горожанами американцами проживали русские и другие славянские иммигранты (второе или третье поколения), с английским языком и высоким образовательным уровнем (Pehotsky 1970: 41–42).

Если говорить о славянских иммигрантах из Юго-Восточной Европы, то из Австро-Венгрии значительный приток их в США начался в 1880-е годы, а из Российской империи – только в самом конце XIX в. (Оларовский 1894: 10).

В мае 1897 г. в петербургском журнале “Исторический вестник” под псевдонимом “граф Лелива” появилась статья “Заокеанская Русь”, автор которой писал, что “из 200 .000 (человек) американской Руси лишь 1000 – православных, остальные же – греко-католики или униаты*...”. “Заметные же общины русской народности православного вероисповедания”, пояснил он, существуют лишь в Сан-Франциско, Чикаго и в Нью-Йорке (Лелива 1897: 440–441, 450–453).

Общавшийся с “русскими людьми” из Венгрии и Галиции в 1890-е годы известный русский иммигрант П.А. Тверской (Дементьев) писал: “Их язык – ни словацкое, ни русское наречия, а какая-то смесь малорусского языка с древнеславянским... но у них больше чисто русских слов, и склонения ближе к великорусским, чем к малорусским”. Он отмечал также, что они не любят поляков и венгров, пытавшихся их ополчить и онемечить, и мечтают переселиться в Россию – “хоть в Сибирь”, боясь американизироваться (Тверской 1900: 97–98).

В 1888 г. в Миннеаполис прибыл униатский священник Алексей Товт, обратившийся по вопросу о постройке приходской церкви к главе католического диоцеза Миннеаполиса архиепископу Джону Айрленду. Однако последний, возмущившись тем, что Товт женат, хотя и знал о праве священников-униатов на брак, повел решительную борьбу против подобной “скверны” в американском католицизме. Тогда Товт и ряд других униатских священников обратились за поддержкой к главе русской православной епархии в Сан-Франциско, и в 1891 г. местный приход униатов присоединился к православной церкви. К 1906 г. в лоно последней перешли около 30 бывших униатских приходов. Православный церковный собор в США, исходя из того, что его паству составляли люди многих национальностей и языков, постановил называть его впредь Русской православной греко-католической церковью (Тверской 1900: 152; Недзельницкий 1913: 8–10). К 1914 г. около 43% “русского” право-

Эдуард Львович Нитобург – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, специалист по истории и этнографии стран Северной Америки.

* С 1880 г. из Австро-Венгрии в США стали ежегодно прибывать многие тысячи гонимых безземельем, голодом, национальным и религиозным притеснением людей, называвших себя “русскими”, – русинов, галичан (угорусов или карпаторусов, как их тогда именовали), в основном униатского вероисповедания.

славного населения США было украинского либо русинского происхождения, и в некоторых православных приходах русины составляли до 80% прихожан (*Ethnic* 1973: 216–232; *HEAEG* 1981: 885).

В 1899–1909 гг. доля “русских” (великорусов, малорусов и белорусов) среди всех иммигрантов, прибывших туда из Российской империи, составляла 4,4%, в 1910–1913 гг. она возросла до 12%, а за время с 1899 по 1913 г. составила 7% (*Оболенский* 1928: 21–22).

Этническая община в переходный период

Первой “русской” городской общиной в США считают обосновавшуюся в 80-е годы XIX в. в северо-восточной части г. Миннеаполиса (Миннесота) группу называвших себя русскими крестьян-карпаторусов – выходцев из района Закарпатья, принадлежавшего тогда Австро-Венгрии.

В 1889 г. они построили маленькую униатскую церковь св. Марии, но отказ католического епископа-ирландца принять в свой диоцез священника-вдовца способствовал переходу этой общины в православие. В 1892 г. приходом был нанят учитель, обучавший детей русскому языку и основам православия (*Simirenko* 1959–1960: 80, 83; *Simirenko* 1964:30, 37, 41–44).

Мужчины из общины в те годы были заняты неквалифицированной работой в деревообрабатывающей и мукомольной промышленности, в железнодорожных мастерских, но по крестьянской традиции многие семьи держали скот, в том числе коров, а некоторые и лошадей, домашнюю птицу, имели сад и огород. К 1905 г. община насчитывала уже 567 человек – 325 мужчин и 242 женщины. Росла профессиональная дифференциация: 19 мужчин уже имели квалификацию.

В 1904 и 1912 гг. в общине появились два женских общества, в 1908 г. – Русское библиотечное общество и библиотека, куда поступала русскоязычная пресса не только из США, но и из России. В 1911 г. возник театральный кружок, а в 1930-е годы – Клуб искусства драмы во имя св. Марии. Вообще период с 1917 по 1941 г. стал для общины переходным – временем создания новых социальных структур, когда ее дела и судьбы переходили в руки второго поколения – людей, родившихся в 1905–1920 гг. в США и поддерживавших православие путем сближения его с американским образом жизни, содействия интеграционным тенденциям, введения в религиозную службу английского языка, лояльности в качестве американских граждан. В 1936 г. в общине в виде местного отделения Федерации русских православных клубов Америки был основан “R-клуб” № 94 во имя св. Марии (*Simirenko* 1964: 55–57, 58, 62–64).

Некоторое представление о социальном и этническом составе “русской” общины и окружающего ее населения северо-восточной части Миннеаполиса дает обзор статистических сведений о проживавших там к 1934 г. 20 тыс. семей: в частности, среди 3077 “русских” мужчин 2104, т.е. 68,4%, работали, 859 были безработными, 114 – пенсионерами, среди занятых 1% составляли специалисты, 4% – специалисты без профильного образования и торгово-обслуживающий персонал, 18% – ремесленники-собственники, 41% – квалифицированные рабочие, 36% – неквалифицированные рабочие. В наихудшем положении оказались выходцы из Европы без квалификации.

Этнический состав населения, проживавшего в северо-восточной части Миннеаполиса, установить не удалось, ибо смешанные браки и амбивалентность идентичности, связанная с уровнем этнического самосознания среди различных этнических групп, проявилась в том, что некоторые лица в обзоре перечислены с тремя и даже четырьмя “национальностями”. Поэтому более точным показателем культурной и общинной идентификации оказались ответы о разговорном языке в семье. Так, 55%

семей, проживавших в северо-восточной части Миннеаполиса, составляли американцы, и разговорным языком в этих семьях являлся английский, а в остальных им были польский (31% семей), русский (7%), словацкий (5%), чешский, венгерский, австрийский, идиш (около 2%) (Ibid: 65–67).

Вторая мировая война привела ко многим переменам в Миннеаполисе и его северо-восточной части. Разрушив некоторые из бытовавших старых взглядов и приверженностей, она побудила проживавшие там этнические группы к еще большей ориентированности на интеграцию с “большим” американским обществом. Свыше 400 молодых мужчин из “русской” общины, служивших в вооруженных силах США в годы войны, после ее окончания, объединились в Ассоциацию ветеранов во имя св. Марии с целью “обеспечить лучшую службу и работу на благо общины и церкви”. Обратив внимание на слабую работу воскресной школы, где на занятия русским языком ходили лишь 40 детей, они вместе с членами “R-клуба” из второго поколения иммигрантов провели в 1947/1948 учебном году ее “американизацию” в духе протестантских воскресных школ. Изучение истории и догматов русской православной церкви велось теперь на английском языке, который стал единственным разговорным языком в школе. В новом кирпичном школьном здании имелся зал для баскетбола. В результате роста заинтересованности родителей и самих детей число учащихся в воскресной школе к 1960 г. достигло 328. В 1951 г. в общине появился новый священник Л. Сорока, проводивший по воскресным дням литургию с 8 час. 30 мин. утра на английском, а затем на словацком языках. Еще в 1936 г. в церкви св. Марии были поставлены отсутствующие в православных храмах скамьи для прихожан. Длительная церковная служба была сокращена до одного часа. Кроме того, прихожане обрели право решать многие церковные дела сами (Ibid: 68–69).

Между тем, по мере адаптации к американской культуре и социальной интеграции с “большим” обществом второго, а затем и третьего поколений прихожан общины, прежние ее церковные братства и сестринства потеряли значение, превратившись в страховые институты, и появлялись новые организации, отражавшие потребности этих поколений. Так, в 1955 г. возник молодежный “R-клуб”, представлявший интересы третьего поколения прихожан общины, в среде которого появились люди, потребовавшие удалить из названия церкви слово “русская”, ибо большинство их не знало и не понимало русский язык и не имело ничего общего с “русскими делами”.

В то же время в 1940–1950-е годы среди представителей второго и третьего поколений членов общины уже имелись люди с высшим образованием, добившиеся заметного профессионального и социального статуса. В конце 1950-х годов, когда американский социолог Алекс Симиренко приступил к исследованию истории становления и развития “русской” общины в Миннеаполисе, объединенной вокруг церкви св. Марии, в ее приходе насчитывалось 930 так называемых хозяйственных единиц (*хаусхолдов*), в том числе 618 семей, 170 одиноких женщин, 118 одиноких мужчин и 24 “неклассифицированных” лица. Появившись за 70 лет до этого в качестве небольшой группы крестьян из Центральной Европы, в чужеродной и не слишком дружелюбной среде, община прошла трудный путь адаптации к американскому образу жизни. Потребовалось 20 лет, чтобы в ней появился первый специалист, и 30 лет, чтобы число членов общины утроилось (Ibid: 72, 74, 88–89).

Защитив результаты своего исследования в качестве диссертации, А. Симиренко опубликовал ее под названием “Пилигримы, колонисты и переселенцы. Этническая община в процессе трансформации”. Под “пилигримами” он имел в виду первое иммигрантское поколение людей, осевших в северо-восточной части Миннеаполиса и основавших там “русскую” общину, под “колонистами” – рожденных в США и остающихся в общине взрослых детей “пилигримов”, а под “переселенцами” – также рожденных в США взрослых детей “пилигримов”, но отказавшихся от жизни в этнической общине и живущих в другом месте. Исследованием судеб третьего поколения

членов общины, в чьи руки, по словам А. Симиренко, начали в 1960-е годы переходить “ключевые посты в общине”, он не занимался. На примере “русской” общины в Миннеаполисе автор исследования показал, что в процессе культурной адаптации члены этнической общины постепенно приобретают ценностные ориентации окружающего “большого” общества, и поэтому ее рожденное в США второе поколение будет обладать большими, чем первое, возможностями для социокультурной интеграции с американским обществом. Вместе с тем главной целью А. Симиренко было сравнить успехи на этом пути тех членов второго поколения “русской” общины, которые продолжали жить в ней (колонисты), с теми, кто ушел из нее и поселился в других местах (переселенцы).

В целом по району Миннеаполис–Сент-Пол средний семейный доход составлял 6890 долл., и им располагало 20% семей района, тогда как в “русской” общине – всего 4,8% семей. Бизнесом или капитальным оборудованием владели 10% пилигримов, 14% колонистов, 26% переселенцев. С учетом всего комплекса экономических факторов Симиренко определил в условных единицах следующие сравнительные показатели “классового статуса” трех рассматриваемых им групп: пилигримы – 1,7, колонисты – 2,3, переселенцы – 2,7.

Хотя средний образовательный уровень пилигримов был ниже среднего образовательного уровня всего населения Миннеаполиса–Сент-Пола, у колонистов и особенно у переселенцев он был выше, чем у всего населения района.

Если средний образовательный уровень пилигримов составлял 4,8 года, и они были заняты неквалифицированным либо квалифицированным физическим трудом, то средний образовательный уровень их детей составлял 13,4 года (это в основном квалифицированные конторские работники или специалисты) (Ibid: 96, 97, 98–100, 107–108).

Большие различия возникли и в территориальном расселении исследуемых трех групп. “Русская” община и церковь св. Марии расположены в северо-восточной части Миннеаполиса, известной как район традиционного расселения иммигрантов из Восточной и Центральной Европы, прежде всего поляков. Однако в конце 1940-х–1950-е годы многие члены “русской” общины, родившиеся в этом районе (особенно молодые “переселенцы”), стали переселяться в северные (Коламбия-Хэйтс, Фридли) и южные пригороды Миннеаполиса и его города-спутники, выходя тем самым из состава общины.

Комбинированное социально-экономическое сравнение показателей данных о жилищных условиях, обладании капиталом, недвижимостью, автомобилями, катерами и т.д., медицинским и другим обслуживанием позволило А. Симиренко определить и сравнить условные статусные показатели пилигримов, колонистов и переселенцев, как 2; 2,8; 2,9 (Ibid: 129, 135, 137, 140–142).

“Русская” община в Миннеаполисе создала за годы своего существования около двух десятков организаций, и почти все они возникли еще до Второй мировой войны, причем в те времена почти каждый член общины участвовал в одной, а то и в нескольких из них. Однако после войны, когда процесс аккультурации и ассимиляции второго и особенно третьего поколения членов общины набирал темпы и число членов профсоюзов быстро росло, многие из старых организаций, в том числе церковные братства, потеряли свое значение, превратившись в страховые общества. К началу 1960-х годов сохранили силу и влияние в общине лишь созданный в 1936 г. “Р-клуб” во имя св. Марии и Ассоциация ветеранов войны. Участие мужчин – потомков иммигрантов во втором и третьем поколениях в церковных организациях резко снизилось.

В то же время никто из пилигримов не был членом какой-либо иной внеобщинной организации, кроме профсоюзов, тогда как 58% их потомков участвовали в деятельности различных внеобщинных организаций.

Исследование относительно степени влияния и власти трех изучаемых групп в общине показало, что в 1950-е годы второе поколение потомков иммигрантов наиболее полно и активно участвовало в деятельности главных общинных организаций и пользовалось преобладающим влиянием у людей. В то же время церковные и большинство старых этнических общинных организаций привлекали внимание мужчин из второго поколения потомков иммигрантов гораздо меньше, чем их родителей (Ibid: 158–160, 161–162).

Как известно, длительное сохранение небольшой этнической общины, окруженной большим иноэтничным обществом, возможно лишь в условиях ее самосегрегации и изоляции от него. Не случайно основатели миннеаполисской “русской” общины, осознавая опасность смешанных межэтнических браков для нее, пытались использовать различные санкции, чтобы не допускать подобные браки. Однако все усилия в этом направлении оказались тщетными, ибо такие браки заключались уже в первом – иммигрантском, но особенно распространились во втором и третьем поколениях, заметно ускорив процесс аккультурации членов общины. Исследуя механизм этого процесса и выясняя происхождение жен и мужей членов разных поколений и групп общины, А. Смиренко обнаружил весьма важные различия в этом плане между тремя исследуемыми группами.

Так, жены славянского происхождения среди пилигримов составляли 91,3%, среди колонистов – 71,4%, среди переселенцев – 47,1%. Мужья славянского происхождения среди пилигримов составляли 96,6%, среди колонистов – 69,0%, среди переселенцев – 55,9%. Причем семьи с более чем одним членом славянского происхождения стремились порвать связи с этнической общиной менее часто, чем семьи, где лишь один член имел славянское происхождение (Ibid: 166–168).

Другое важнейшее условие жизнеспособности этнической общины – сохранение ее членами родного языка. Исследование А. Смиренко показало, что дети и внуки иммигрантов чувствовали себя более комфортно, используя английский, и стремились, к огорчению стариков, отказаться от родного (славянского) языка. В группе пилигримов 96,8% женщин говорили дома с подраставшими детьми на русском языке, в группе колонистов на русском с детьми говорили 66,7% матерей, а в группе переселенцев – только 41,2%. В остальных случаях матери разговаривали с детьми, смешивая языки, что связано, по мнению А. Смиренко, с неславянским этническим происхождением этих женщин. В 1960 г. уже все семьи в группах колонистов и переселенцев дома в качестве разговорного языка использовали английский. В семьях пилигримов 27% еще использовали свой родной язык, 10% – как родной, так и английский, а 62% – только английский.

Комментируя ситуацию с языком, А. Смиренко резонно, как нам представляется, объяснял ее и тем, что члены общины, идентифицировав себя в “политическом и религиозном отношении” с русскими, лингвистически и этнически претендовать на русское происхождение не могли. И хотя в церковной школе их дети (среднее число их сократилось с 5,4 в семьях пилигримов до 2,4 в семьях колонистов и до 2,8 в семьях переселенцев) еще учили русский язык, однако родители, сами уже не понимая его, не могли помочь в этом отношении своим детям. Поэтому постепенно для детей и их родителей английский стал основой общения. Если среди пилигримов пытались учить детей родному языку 62% родителей, то среди колонистов и переселенцев – только 15%. Во втором поколении потомков иммигрантов посещаемость в воскресной школе при церкви св. Марии резко упала. Лишь 8,3% колонистов и 1,5% переселенцев сообщили о случайно прочитанной ими книге на русском языке (Ibid: 168, 170–172).

В течение десятилетий центром социальной жизни “русской” общины, институтом, объединявшим всех ее членов – людей различных профессий и разного социального статуса, была церковь св. Марии. Не случайно членство в ее приходе требо-

валось в уставах всех созданных в общине организаций. Однако постепенное ослабление связей второго поколения потомков иммигрантов общины и особенно группы переселенцев с русским языком, школой, русскоязычной прессой сказалось и на их отношениях с церковью св. Марии. Но если колонисты приспособили ее к новым условиям жизни, то многие из переселенцев, выйдя из общины, порывали связи не только с приходом св. Марии, но и вообще с православием. К 1960 г. две трети последних (67,6%) стали членами ряда протестантских церквей (баптистов, лютеран и др.), 17,6% – католической, а 14,7% не принадлежали ни к какой церкви. Тем не менее община все еще гордилась, что во многих смешанных браках ее членов их брачные партнеры переходили в православие (хотя фактически этот переход нередко бывал чисто номинальным), и в группе пилигримов не считали себя православными всего 1,5%, а в группе колонистов – лишь 14,3%. Как уже отмечалось, с начала 1950-х годов службы в церкви св. Марии велись на английском и словацком языках, причем первую обычно посещали 34,5% пилигримов и 83,3% колонистов, вторую – 44,8% пилигримов и 14,3% колонистов, службы на обоих языках – 20,7% пилигримов и лишь 2,4% колонистов (Ibid: 172–173).

А. Симиренко, определяя на основе 23 типов полученных им показателей различия в степени аккультурации трех исследуемых групп, подсчитал, что если для пилигримов уровень ее в условных цифровых показателях составлял 2,6, то для колонистов – 3,5, а для переселенцев – 4,2 (Ibid: 175).

Подводя итоги сравнительному анализу поколенных изменений по исследуемым группам общины и констатируя “важные различия” между ними “по многим аспектам аккультурации”, он пришел к следующим выводам: 1. Пилигримы реже вступали в смешанные браки с аутсайдерами и гораздо больше использовали дома родной язык. Они также старались обучать ему детей, читали русскоязычные публикации и присутствовали в церкви, когда велась служба на славянском языке; их семьи общались в основном с близкими родственниками и “русскими” соседями, большинство которых также являлись прихожанами церкви св. Марии и членами общины. 2. Семьи колонистов и переселенцев более часто общаются с “нерусскими” друзьями и предпочитает английский язык общения. Колонисты вступают в смешанные браки с партнерами из “большого общества” чаще, чем пилигримы, хотя и реже, чем переселенцы. 3. В “большом” американском обществе переселенцы более аккультурированы, чем группы колонистов и тем более пилигримов, подтверждая гипотезу о том, что культурная трансформация этнической общины происходит постепенно, усиливаясь по мере смены последующих поколений. Те, кто аккультурировался в американском обществе и за счет потери своей изначальной этничности сумел достичь более высокого социального и профессионального статуса (Ibid: 175–176).

В заключение А. Симиренко подчеркивает, что “русская” община в Миннеаполисе сумела вплоть до 1960-х годов сохранять свою идентичность благодаря гораздо более полному превращению церкви в центральный институт, чем это было в стране исхода, а также благодаря специализированному школьному институту, который наряду с семьей помог сохранять неразрывность культурных и лингвистических норм. Однако постепенно экономическая и профессиональная диверсификация вела и к культурной диверсификации второго поколения потомков иммигрантов. Уже по мере ослабления предрассудков и враждебности со стороны окружающего “большого” общества, а тем более по мере восприятия его норм, системы ценностей, образа жизни, затем языка и, наконец, расселения вне общины и ухода из нее все большего числа представителей ее второго и третьего поколений социокультурная ассимиляция их и растворение общины в “большом” американском обществе неизбежны. Причем, по мнению А. Симиренко, такова судьба всех русских общин в США (Ibid: 185–187).

“Русское Село” на Северо-Западе

Американский этнолог Стэнфорд Нейл Гербер в середине 1960-х годов занимался исследованием другой русской общины, сохранившейся еще к тому времени в одном из северо-западных штатов “на окраине крупного метрополитенского ареала, население которого достигает 1,2 млн человек”. Он опубликовал результаты своего исследования в виде монографии “Русское Село. Этнография русско-американской общины”. Сбором материала Гербер занимался около года, выполняя в этой общине обязанности шофера, маляра, продавца в магазине, одновременно совершенствуя свой разговорный русский язык, собирая интервью у членов общины и постоянно наблюдая за их жизнью, нравами и обычаями. При этом акцент делался на сборе данных об организации общины, семейно-брачных отношениях, жизненном и церемониальном циклах, системе и практике верований, экономике и собственности, области конфликтов.

В 1960-е годы Русское Село состояло из полутора десятков кварталов, в ближайшем окружении от которых находились железнодорожные сортировочные станции с крупными складами, большой скотопригонный двор и несколько мясоконсервных фабрик, а также крупный зерновой элеватор, на которых работали многие члены общины. С Русским Селом соседствовали хорватская, украинская, сербская, словацкая, польская, итальянская общины – каждая вокруг своей церкви. К западу от Русского Села располагались общие городские жилые районы, где находились банк, магазины, ремонтные мастерские, бары и прочие институты, обслуживавшие потребности окружающего населения, в том числе жителей Русского Села (*Gerber 1985: 7–9*).

Первые поселившиеся тут россияне прибыли в 1905–1906 гг. из Белоруссии, а за ними стали постепенно прибывать их родственники и земляки – крестьяне в надежде заработать в Америке деньги, а вернувшись домой, прикупить землю для хозяйства. С 1911 г., после неурожая в северо-западных губерниях России, число таких иммигрантов стало быстро расти. В основном это были уроженцы Гродненской губ. (но появились и выходцы с Украины, из Сибири), чаще мужчины в возрасте от 16 до 22 лет, многие – неграмотные и очень редко – окончившие хотя бы три класса. В 1912 г. численность иммигрантов достигла около 150 мужчин, женщин и детей (*Ibid: 10–24*).

Временем расцвета общины стал период с 1917 по 1940 г., когда она была практически полностью самообеспечиваемой в плане предоставления своим членам товаров и услуг. Хотя большинство работавших из них были заняты в качестве неквалифицированных рабочих вне пределов общины – на мясоконсервных фабриках и железной дороге – большая часть их расходов делалась внутри общины. Почти все ее “деловые” заведения – продуктовые и другие магазины, бары, врач, дантист, автомеханик, портной, сапожник и др. – располагались на главной улице Русского Села. Там можно было получить, за небольшим исключением, почти все необходимые для повседневного существования его жителей продукты, товары и услуги. Они гордились этим, полагая, что тем самым обеспечивали себе защиту от поглощения культурой окружавшего “большого” чужого общества и сохранение их обычаев и образа жизни.

Создание своего “бизнеса”, или “дела”, происходило двумя путями: муж полное рабочее время был занят на консервной фабрике или железной дороге, а вечерами и в воскресенье – своим “бизнесом”, а иногда днем его заменяла жена. Либо последняя полное время работала в американской компании, а муж часть времени работал на железной дороге, а остальное время занимался своим “делом”. Когда же “дело” крепло, муж полностью отдавался ему. Первоначальную финансовую поддержку такому бизнесу оказывал местный банк. Но появление в конце 1930-х годов супермар-

кетов нанесло сокрушительный удар по магазинам в Русском Селе, не имевшим возможности торговать по столь же низким ценам, как супермаркеты, чтобы выдержать конкуренцию с ними. Другая опасность, хотя и не сразу осознанная в общине, исходила от колледжа, ибо окончившие его дети из Русского Села, особенно юноши, все чаще не желали следовать по стопам родителей и возвращаться в магазин, да и вообще в местный бизнес. В результате в 1940–1950-е годы бизнес в общине, став делом рискованным, пришел в упадок, и к середине 1960-х годов здесь остались лишь два магазина и парикмахерская, где работал только сам ее хозяин. Оба магазина прибыли уже давно не приносили, но владельцы их стремились сохранить свой социальный статус, ибо престижем и уважением в общине изначально пользовались прежде всего те, кто работал на себя, имел накопленную собственность в виде недвижимости, деньги в банке и умел их приумножить. Богатство здесь ценилось, но не должно было бросаться в глаза. Жить полагалось так же, как все, но при этом давать понять, что за скромным фасадом стоит финансовая сила. “Наиболее уважаемые члены общины, – замечает не без иронии С. Гербер, – не только богаты, но и упражняются в изощренном искусстве осведомления других о своих финансовых успехах” (Ibid: 25, 26–30, 32).

Поэтому собственник магазина все еще считался престижной фигурой, с его мнением считались, его избирали на руководящие посты в приходе и общине, он играл ключевую роль в борьбе за влияние в ней. А поскольку число таких ролей внутри общины и церковного прихода было невелико, то контроль над властью и влиянием в Русском Селе оказался сосредоточен в руках небольшой группы лиц. В основном это были почти те же люди (в том числе владельцы обоих магазинов), что и в 1925–1940 гг.

Важнейший институт в общине – семья и система родственных отношений. Структура семьи различалась в зависимости от престижа и богатства, и каждый член семьи знал свое место в ткани семейных отношений. Считалось, что члены семьи и крестные родители должны, безусловно, помогать друг другу, молодые – уважать и поддерживать старших, ухаживать, когда они болеют, молиться за них, когда умерли. Семейная жизнь была тесно переплетена с другими институтами и религиозной практикой православной церкви (совместная молитва, посещения храма), с межсемейными ассоциациями (мужское братство, женское сестринство и др.). Семейная и родственная сплоченность перед лицом аутсайдеров считалась обязательной нормой поведения, и хотя внутрисемейные и межродственные отношения нередко бывали омрачены ревностью, подозрительностью, враждебностью и конфликтами, их старались всячески скрывать от посторонних. Семейным разборкам и расколам, являвшимся источником конфликтов, в определенной мере противостояли усилия крестных родителей и религиозные отношения, однако по мере того, как неразрывность религии и языка постепенно подрывалась вторжением английского языка и переходом на него молодежи, разногласия начали углубляться, а конфликты обостряться, что становилось все более очевидным по мере взросления второго, а затем и третьего поколения жителей общины.

Система родства в общине была патрилинейной, преимущественное местожительство – патрилокальным, когда женатые сыновья жили как можно ближе к дому старейшего члена линиджа. Ориентации в семьях, по крайней мере, в идеале, являлись патриархальными, с отцом или мужчиной, принимавшим окончательные решения. Браки предпочитались с лицами, чьи родители жили в общине и были хорошо известны семье и ее друзьям. Поэтому многие родители старались свататься без ведома молодых и заключать браки в своем социальном кругу внутри общины. Поэтому же свидания и ухаживания с аутсайдерами, с которыми сын или дочь познакомились в муниципальной школе или колледже, и тем более заключение брака на стороне, осуждались. Но иногда и патрилокальные браки оставались таковыми лишь до

тех пор, пока молодой брачной паре, особенно высокообразованной, не удавалось скопить средства, чтобы, купив собственный дом в более комфортном и престижном районе, переселиться туда (Ibid: 35–39; 46–47, 53–55).

Хотя детей в семьях уже с 7–8 лет приучали помогать в доме, считалось, что каждый ребенок должен закончить среднюю школу, а мальчиков даже поощряли вступать в колледж. Обитатели Русского Села уже понимали роль образования как ключа к профессиональной карьере своих детей, но его скрытой роли – того, образованные дети, стремясь сделать карьеру и войти в американский средний класс, скорее всего, уйдут из общины, – их родители осознавали далеко не сразу. Между тем муниципальные школы и колледжи успели познакомить этих детей с иной, альтернативной системой ценностей и обычаев, которую не могло воспринять старое поколение. Молодые выходцы из Русского Села оказались перед выбором: либо отказываться от открывавшейся перед ними перспективы войти в состав американского среднего класса, либо принять правила и нормы поведения окружающего “большого” общества, сулившего перспективу будущего успеха, невозможного для них в общине (Ibid: 44–45, 111–112).

Весьма значительной, хотя отнюдь и не публичной активностью отличалась политическая жизнь внутри общины, где длительную борьбу за власть и влияние вели три группы. Две из них сплотились вокруг каждого из двух владельцев магазинов (особенно родственники и друзья), а третья, представленная иммигрантами из числа перемещенных лиц, прибывших из Европы в конце 1940-х годов, примыкала то к одной, то к другой из двух первых групп. Те же в основном люди претендовали и на принятие главных решений в церковных делах, которые в Русском Селе принимались Советом доверенных, состоявшим из лиц, заложивших полвека назад свои дома, чтобы получить кредит на постройку церкви, и избираемым прихожанами Церковным комитетом, но кое-кто занимал пост в каждом из них, что еще более способствовало концентрации власти в руках небольшого числа людей. Это ставило в настолько трудное положение священника, что за пять лет – с 1960 по 1965 г. – в приходе сменились пять священнослужителей. Конфликты по поводу возможности контролировать священника, замечает С. Гербер, “делают вполне вероятной возможность того, что с предстоящим уходом нынешнего священника община не обретет другого. А поскольку церковь остается центральным институтом в Русском Селе, ее кризис не мог не затронуть общину. И сомнительно, что она найдет или сможет воспринять альтернативу роли, которую играла в качестве объединяющего центра Русского Села церковь” (Ibid: 100–106, 111).

Групповая борьба и церковный конфликт из-за контроля над властью в общине еще более усугубили нараставший из года в год конфликт поколений. Упорное стремление людей самого старшего (64–85 лет) возраста и консервативных убеждений сохранять и далее удерживаемые десятилетиями власть и влияние, не допускать молодых к решению церковных дел и блокировать их пути к социальной мобильности в общине вызывали протесты со стороны последних (Ibid: 107–108, 112).

Поскольку церковные конфликты, борьба старших за власть и отказ дать дорогу молодым вызывали у них протест и нежелание участвовать в происходившей в Русском Селе фракционной борьбе, все больше их уходило оттуда в другие районы города и отвергало православие. При чем визиты домой к родителям их американизированных потомков становились, как свидетельствует С. Гербер, все более редкими. Иначе говоря, стремление к социальной мобильности и успеху в “большом” обществе преодолевало этнические традиции и ценности.

Одним из важнейших условий создания и сплочения общины и главным средством общения ее членов был русский язык. Правда, избежать минимального контакта с окружающим Русское Село обществом было невозможно, и с годами русский язык его обитателей пополнился рядом английских слов. Тем не менее язык по-прежнему

продолжал оставаться одним из важных факторов сплочения общины. Однако процесс американизации и амбивалентность самосознания ее молодежи второго и третьего поколений вынуждали ее противиться требованиям “отцов-основателей”. Она пользовалась русским только для общения со старшими членами семьи или общины, а ушедшие из Русского Села приобщались к другим церквам, и контакты ее с русским языком становились все более и более редкими (Ibid: 53–54, 100, 114–117). В результате функция русского языка, вначале сплотивавшего общину, позже, в новой ситуации, оказалась способствовавшей стагнации этой общины и потере ее дальнейшей жизнеспособности.

Поскольку молодежь, все чаще не желая возвращаться к той культуре, которую перестала считать своей, из общины уходила, а оставшиеся в Русском Селе старели, численность его обитателей, по сравнению с 1930 г., когда там насчитывалось 150 семей, сократилась, зато средний возраст заметно вырос.

О начавшейся стагнации свидетельствовал и такой, казалось бы, незначительный факт: в течение полувека, как показано Гербером в главе о “церемониальном цикле”, Русское Село всегда соблюдало все важнейшие практиковавшиеся в России православные праздники и обычаи, помогавшие сохранению общиной своей системы ценностей и религиозной ориентации и тем самым ощущению себя единым целым. Но в 1965 г., впервые со времени основания общины, была подорвана и эта традиция – не отмечались ни масленица, ни некоторые другие обычаи. Причиной стал отказ женщин старшего поколения приготовить, по сложившейся традиции, необходимое количество еды для членов общины. Многие из них заявили, что стали уже стары и слабы для этого, и поэтому “пусть теперь готовят те, кто помоложе”. Однако более молодые женщины из второго поколения также отказались, заявив: “Уйдем мы, уйдут и эти обычаи” (Ibid: 62–63, 66–67, 69).

Характеризуя общину в Русском Селе как субкультурную группу в США и констатируя “острый кризис в этом этническом анклавe, который слишком слаб, чтобы себя увековечить, но слишком силен, чтобы пойти на компромисс”, Гербер пришел к выводу о том, что “эта община подходит к своему угасанию” (Ibid: 110, 113). В заключение, подводя итоги исследованию, он позволил себе осторожное предположение о “возможности того, что те самые обычные институты, которые помогали сохранять идентичность этого культурного меньшинства, как раз и способствовали начавшемуся его распаду” (Ibid: 110).

Русские в Голливуде

В 1934 г. профессор этносоциолог Джордж М. Дэй из Калифорнии опубликовал небольшую монографию “Русские в Голливуде”, в которой представил результаты своего исследования другого типа русской общины – беженцев из советской России, обосновавшихся в начале 1920-х годов в Голливуде и соседних районах Лос-Анджелеса. Большинство русских “белоэмигрантов” прибыли сюда с Дальнего Востока через Ванкувер и Сиэтл, часть – из Одессы и Крыма через Константинополь, а остальные, в основном офицеры русского экспедиционного корпуса, посланного в 1916 г. царским правительством туда, – из Франции. Исследование показало, что с самого начала эта община (Дэй называет ее колонией) состояла из двух различных групп – меньшей, насчитывавшей примерно 500 человек старшего возраста, глубоко пропитанных старой культурной традицией, приверженцев русской православной церкви и монархии, нередко лиц дворянского и даже аристократического происхождения.

Вторая группа, включавшая более 1000 человек, состояла из более молодых людей, в том числе студентов, инженеров, профессоров и других специалистов, музыкантов и иных лиц свободных профессий, дельцов, которые, хотя и храня память о давних русских традициях, меньше знали старую Россию и, пережив две революции

и гражданскую войну, не столь уж упорно цеплялись за эти традиции. Поражение в гражданской войне не так тяжело сказалось на их психологии, и уже к концу 1920-х годов они, по свидетельству Д. Дэя, жили “скорее в настоящем и будущем, чем в прошлом” (Day 1934: 2–8).

Характеризуя реакцию “голливудских русских” на события 1917–1927 гг. в России, Дэй делит их на четыре категории: 1) большинство “сражавшихся до конца” генералов и офицеров; 2) “плывущих по течению” и не особенно заинтересованных в борьбе за какую-либо далекую цель; 3) группу людей, решивших еще в предвидении исхода борьбы в России начать свою новую жизнь в Америке. Именно сюда он относит несколько сот приехавших из Харбина и Константинополя студентов, намеренных получить в Америке образование; 4) инженеров, врачей, университетских профессоров, музыкантов и других представителей интеллигенции, покинувших Россию в надежде на лучшую жизнь и профессиональную карьеру в США.

Правда, в первые годы своего пребывания в Лос-Анджелесе беженцам, потерявшим в одночасье свою страну, оказавшимся в состоянии глубокой подавленности и ощущения личной неполноценности, было не до социального статуса. Но постепенно, по мере достижения более или менее твердого экономического положения, они, “осмотревшись” и осознав необходимость поиска своего места в американском обществе, начинали борьбу за социальный статус.

Анализ ответов респондентов на проведенные Д. Даем опросы и десятков записанных им интервью с обитателями колонии позволили ему показать, что труднее всего адаптация к новым для них условиям жизни далась бывшим военным, адвокатам, представителям титулованной знати и другим, потерявшим в США свой высокий в недавнем прошлом социальный статус и престиж. Многие офицеры вынуждены были пройти путь обслуживающего персонала, конюхов, рабочих и механиков, а генералы и адмиралы – путь от швейцаров отеля до владельцев ресторана. Музыканты, инженеры и другие технически подготовленные люди работу по специальности получали гораздо легче, и через несколько лет американской практики финансовое положение многих из них было лучше, чем на родине. Но особенно успешной оказалась адаптация молодых и тем более завершивших образование в США. Коекому помогли “стать на ноги” американские связи. А отдельным из “голливудских русских” уже к концу 1920-х годов удалось добиться не только высокого социально-экономического статуса, но и общественного признания.

Как замечает в своих воспоминаниях Александр Вертинский, “русские были одно время в очень большой моде в Голливуде, особенно во времена немого кино”. Однако, рассказывая о гастролях в Калифорнии в 1934 г., он писал: “Из Сан-Франциско я отправился в Голливуд. Кто только не встречал меня на вокзале! Бывший адмирал, бывший журналист, бывший прокурор, бывший миллионер, бывший министр, бывший писатель. И все бывшие, бывшие, бывшие... Бывшие потому, что генерал держит теперь ресторан, адмирал – фотографию, прокурор – комиссионный магазин, журналист служит поваром, а миллионер отпустил черную бороду и в кавказской черкесске с кинжалом стоит у дверей ресторана и открывает двери гостям” (Вертинский 1990: 260, 261, 266–267).

Тем не менее таланты и способности многих русских уже признавались, получали финансовую поддержку, и большая часть колонии, по словам Д. Дэя, “процветала, обретая материальное благополучие”. В качестве убедительных доказательств этого он приводил такие факты, как обилие автомобилей в воскресенье у православной церкви колонии и регулярная денежная помощь, оказываемая беженцами своим родственникам в России.

В главе монографии, посвященной русскому искусству, Д. Дэй рассказывает о существовавших в колонии Русско-американском клубе и голливудском клубе, о гордившихся своим искусством и культурным наследием русских артистах и музыкан-

тах, отмечая, что их контакты с американцами на концертах русских исполнителей в немалой степени способствовали уменьшению социальной дистанции между русскими и американцами (*Day* 1934: 38–50).

Подчеркивая большую роль православной церкви в социальной и религиозной жизни голливудских русских, Дэй полагает, что в ней отсутствовал интеллектуальный элемент, а среди ее священнослужителей было мало образованных людей, зато существовала антипатия к евреям (*Ibid*: 53–55, 58).

Что же касается взглядов ее прихожан, то убежденные монархисты настаивали на сохранении памяти о царе, тогда как более либерально настроенные старались реже вспоминать о нем, а менее религиозные все реже посещали церковную службу (*Ibid*: 63–64). Постепенно стало проявлять все меньший интерес к изучению русского языка и к церковной жизни второе поколение, о чем свидетельствуют опросы и интервью, проведенные Д. Дэм. Так, на его вопросы о русском языке и русской церкви молодой человек 23 лет, студент предпоследнего курса Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, ответил: “Я говорю по-русски. Это естественно для меня, особенно с родителями. Я взял также несколько уроков языка... Я едва ли когда хожу в церковь. Ходил, когда жил в Сиэтле. Здесь я по воскресеньям провожу время со своей герл-френд. Я уважаю церковь, ощущаю ее присутствие, верю в нее, а не бываю, наверное, потому, что, когда впервые прибыл в Америку, там не было русской церкви, и я привык не ходить туда. Она служит полезному делу – сохраняет колонию объединенной”.

Молодая женщина, работающая в Русском отделе местного банка, на вопрос о церкви дает такой ответ: “Я хожу иногда в русскую церковь, но знаю о ней очень мало...”. Школьник 12 лет на вопрос о церкви отвечает с оттенком снисходительности: “Я не хожу ни в какую церковь. По крайней мере, последние два года не был. Русская церковь, я думаю, ничего. Она людей привлекает – это, можно сказать, для них излюбленное занятие” (*Ibid*: 53, 63, 75, 76).

Хотя к тому времени, когда Дэй впервые занялся в конце 1920-х годов исследованием колонии голливудских русских (*Sociology* 1929: 94–95), ей не было и десятка лет от роду, он констатировал назревание в ней культурного конфликта, в том числе между поколениями. В качестве основных причин его он называл влияние американской школы, языкового барьера, позиции детей в отношении России и степени их лояльности к родителям. И в этой связи приводил интервью, в котором мать рассказывает, что ее сын, приходя из школы домой и обращаясь к бабушке, каждый раз просит: “Бабушка, ты должна теперь разговаривать со мной по-английски (а она едва может на нем сказать одно слово)”. В другом интервью отец 9-летнего сына говорил: «Мой мальчик любит Россию, любит географию. Мальчик предпочитает английский язык, но я даю ему интересную книгу на русском, прочитаю несколько страниц и говорю, что из-за нехватки времени читать дальше не могу, с тем чтобы до конца дочитал ее он сам. Надеюсь, что мой мальчик заинтересуется Россией... Я говорю ему: “Помни, что ты – русский”. А он отвечает: “Я русский только в субботу” (день, когда он ходит в русскую школу)...» (*Day* 1934: 72–73, 79).

Ярким примером конфликта, связанного с проблемой языкового барьера, служит и столкновение по поводу использования английского языка в программах Общества русских инженеров. Представители старшего поколения в нем настаивали на использовании в докладах и дискуссиях на заседаниях Общества только русского языка, тогда как более молодые, окончившие американские университеты и технические институты, восстали против подобного рода ограничений, заявляя, что они привыкли к технической терминологии на английском языке, да и дома говорят чаще на нем, чем на русском (*Ibid*: 3, 70–71, 90).

Однако, поскольку средний образовательный и культурный уровень “голливудских русских” был неизмеримо выше, чем у обитателей Русского Села, конфликт

между поколениями не принял здесь столь же острого характера, как в Русском Селе. С одной стороны, “отцы” в голливудской колонии были более образованы, интеллектуальны и понимали неизбежность изменений. С другой стороны, уровень школьного и университетского образования молодых был достаточно высоким, и “дети” здесь отличались образованностью, интеллигентностью и сохранили уважение к родителям. Поэтому и взаимоотношения поколений характеризовались тут большей толерантностью и восприимчивостью к новым идеям, большей “эластичностью” и деликатностью взаимных действий в процессе разрешения культурного конфликта. Результатом этого, по мнению Д. Дэй, явилось как расширение кругозора “отцов”, так и обогащение двойным культурным наследием “детей”.

В то же время существовало резкое деление внутри самого молодого поколения: одни из молодых оказались более привержены старым традициям, другие – меньше. Как сообщает Дэй, горный инженер, отец двух сыновей, 19 и 16 лет, рассказал, что у одного друга – в основном американцы, и все свое время он проводит с ними, а русских друзей у него мало. Зато другой сын все время проводит с русскими друзьями. Их взрослая двоюродная сестра, работавшая в русском отделе Банка Италии, сообщила, что дружит в основном с русскими и общается с ними на русском. С американцами же она контактирует редко и имеет мало общего, тем более что “некоторые из них считают русских нецивилизованными”. В то же время ее младший брат, школьник 12 лет, с русскими, если не считать членов семьи, почти не общается (Ibid: 73–74, 76).

Показывая, что адаптация “голливудских русских” к жизни в крупном американском городе проходила отнюдь не без борьбы и страданий, Дэй отмечает, что большинство голливудских русских, спрятав в карман гордость и стараясь забыть о своем бывшем престиже, мужественно добивались “места под солнцем” и социального признания в американском обществе. Результатом этих усилий нередко оказывалась буквальная перестройка личности. “Наши родственники не узнали бы нас здесь, так сильно мы изменились, – признавался Дэйю один из его русских респондентов, – я теряю здесь свои славянские склонности... Я не узнаю себя больше” (Ibid: 85). “Мы должны быть глубоко благодарны Америке за полученные практические уроки, – говорила одна русская. – Американцы сильны тем, в чем мы слабы. Мы, русские, нуждаемся в самодисциплине в деловых отношениях, в пунктуальности, точности и соблюдении общественных предписаний” (Ibid: 99).

Бывший студент Университета Южной Калифорнии и Калифорнийского технологического института так описывал свою перестройку: “Сначала я скучал по своей стране. Ныне я добился социального признания... Когда я приехал сюда, то вынужден был присоединиться к низшему классу, и по этой причине невзлюбил Америку и американцев. Но теперь я люблю эту страну как свою собственную. Вероятно, если бы не революция, я бы оставался в России, поскольку имел там большие связи. Если бы я мог ими воспользоваться здесь, то продвинулся бы тут гораздо дальше. Россия мне снится, но я женился на американской девушке и по ряду причин прекратил связи почти со всеми своими русскими друзьями” (Ibid: 84).

Каждый из голливудских русских проходил свой путь адаптации и интеграции. Женщины-иммигрантки были более консервативны и привержены идее сохранения русского языка, церкви и школы, однако две трети русских женщин в голливудской группе, подобно мужчинам, в силу жизненных обстоятельств были вынуждены включиться в процесс интеграции с американским обществом, т.е. в процесс американизации. “Я фактически не имею дома, ибо им стало место моего бизнеса, – говорила Дэйю дама из бывшей аристократии. – Поскольку мне приходится одной поддерживать своих сына и мать, то моя жизнь очень тяжела... Мне стоит больших усилий ежедневно вставать и заставлять себя работать в таком темпе, но этого требует моя деловая жизнь. И хотя я, подобно другим русским, склонна к раздумьям и грусти, та-

кая активная жизнь не оставляет времени предаваться размышлениям о своих тревогах” (Ibid: 72).

Те русские, которые целеустремленно стремились быстрее американизироваться, овладеть английским языком, его идиомами и почаще говорить на нем, добивались больших успехов не только в профессиональной карьере, но и в личной психологической перестройке. Именно поэтому молодое поколение быстрее и легче входило в американскую экономическую и культурную жизнь. Язык помогал иммигранту быстрее преодолеть комплекс неполноценности, приобрести уверенность и возможность выразить себя в любой области. Те же из голливудских русских, главным образом старшего поколения, кто упорно продолжал сопротивляться объективному процессу американизации и “самосегрегироваться” в русских клубах и исключительно русском окружении, все еще ощущали себя чуждыми американской жизни.

Проблема культурного конфликта (или культурного слияния) в какой-то мере является еще и вопросом личных позиций и склонностей. Между ними и культурным конфликтом существует вполне определенная связь, поэтому и степень воздействия “пораженной психологии” зависела от жизненного опыта и психологической устойчивости человека, его темперамента и склонностей. И многое тут было связано с окружением, обстоятельствами. Неслучайно для некоторых голливудских русских, в том числе молодых, испытавших в процессе социального и политического хаоса 1917–1920 гг. в России психологический шок, контраст между их культурными обычаями и американскими оказался столь велик, что они так и не сумели приспособиться к Америке. Одни из них стали жертвами алкогольных запоев, другие – азартных игр, третьи – сластолюбия и разврата, четвертых распад личности привел к самоубийству (Ibid: 32–33, 93).

Завершая свое исследование, Д. Дэй писал, что “если перейти от проблемы личности к наблюдающимся в колонии тенденциям, то их можно суммировать одним словом – дезинтеграция”. Мелкие группы, из которых состояла колония, и раньше конфликтовали из-за зависти, интриг, различия политических взглядов и социальных статусов. Но если совсем еще недавно в колонии чувствовались сплоченность и групповая солидарность членов ее этнических институтов – в церкви, клубах, Женском обществе взаимопомощи, Обществе русских инженеров и др., то в начале 1930-х годов члены этих организаций все реже были солидарны между собой. Все больше расширялась пропасть между верующими, для которых служба в православной церкви является источником духовного обновления, и более американизированной частью прихожан, для которых церковь играла только формальную роль в их жизни, что свидетельствовало об обострении религиозного аспекта культурного конфликта. Отчасти все это, по мнению Д. Дэя, было связано с особенностями менталитета русских, а частично обусловлено социальными контактами с американцами и общим “мощным дезинтегрирующим воздействием” американского общества (Ibid: 96, 100).

В заключении своей книги, констатируя, что “в Голливуде имеет место продолжающийся социологический феномен культурного конфликта, полный драматического интереса”, и рискнув дать прогноз его дальнейшего развития, Д. Дэй предположил, что он займет еще пару десятилетий (Ibid: 102). К тому времени США, признав новую Россию и улучшив свое отношение к ней, потеряют интерес к “белой” эмиграции; главные участники драмы в русском Голливуде уйдут со сцены, а второе поколение уже настолько американизируется, что не станет тратить энергию на увековечение культурного конфликта.

Игорь Юрьевич Ковин – сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

* * *

Несмотря на существенные различия между конкретными объектами их исследования, все три представленных в этой статье американских автора не случайно, в конечном счете, пришли к выводу о том, что неизбежным результатом процесса структурной интеграции русских мигрантов в американском обществе (будь то крестьяне первой, дореволюционной волны или беженцы-белоземляки второй волны массовой иммиграции из России) является обострение этнокультурного разрыва между ними и их родившимися детьми. Именно второе поколение, прошедшее через муниципальную школу, американизированное и утратившее культурное наследие родителей, как правило, играет важнейшую роль в разрыве с иммигрантской общиной. Уход из нее и вообще отделение от своей этнокультурной группы ведет обычно к растворению детей и внуков иммигрантов в "большом" американском обществе и гибели этой общины.

Литература

- Вертинский 1990* – Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990.
- Лелива 1897* – Граф Лелива (Матросов Е.Н.) Заокеанская Русь // Исторический вестник. 1897. Т. 64. Май.
- Недзельницкий 1913* – Протоиерей Иоанн Недзельницкий И. Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки. Одесса, 1913.
- Оболенский 1928* – Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.
- Оларовский 1894* – Оларовский А.Е. Отчет о торговом, финансовом и экономическом положении в Северо-Американских Соединенных Штатах. СПб., 1894.
- Тверской 1900* – Тверской П.А. Духоборческая эпопея. СПб., 1900.
- Day 1934* – Day D.M. The Russians in Hollywood. A Study in Culture Conflict. Los Angeles, 1934.
- Ethnic 1973* – The Ethnic experience in Pensilvania / Ed. J.E. Bodnar. Lewisburg, PA, 1973.
- Gerber 1985* – Gerber S.N. Russkoya celo. The Ethnography of a Russian-American Community. N.Y., 1985.
- HEAEG 1981* – Harward Encyclopedia of American Ethnic Groups (HEAEG). Cambridge, 1981.
- Pehotsky 1970* – Pehotsky B.O. The Slave Immigrant Woman. San Francisco, 1970.
- Simirenko 1959–1960* – Simirenko A. The Social Structure of the Minneapolis Russian Community // Proceedings of the Minnesota Academy of Sciences (PMAS). 1959–1960. V. 27.
- Simirenko 1964* – Simirenko A. Pilgrims, colonists and frontiersmen. An ethnic community in transition. N.Y., 1964.
- Sociology 1929* – Sociology and Social Research. 1929. V. 14. № 1.

E.L. Nitoburg. From the History of Russian Communities in American Cities

The article focuses on life conditions of Russian immigrants in three types of urban communities in the United States: the town community composed mainly of individuals of Russian origin; the cosmopolitan community composed of varied individuals; and the so called American community, characteristic primarily of small towns, in which Russian immigrants and other immigrants of Slavic origin live side by side with Americans. The author argues that the process of structural integration of Russian immigrants in the American society inevitably results in the widening of the ethnic-cultural gap between the immigrant parents and their American-born children. It is typically the second generation that initiates the break with the immigrant community.